

Анна Яковлева

ТОННЕЛЬ
ЖЕЛАНИЙ

16+

Анна Яковлевна Яковлева

Тоннель желаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43419789

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-09203-7

Аннотация

В семье Бинч Егор был каменной стеной: и деньги зарабатывал, и все вопросы решал. Когда и где отдыхать, когда делать ремонт в квартире, когда покупать жене шубу. Любил делать семье подарки. Заскочит в магазин, увидит, прикинет – заверните мне это пальтецо. Но с некоторых пор Егора стала немного беспокоить Таськина беспомощность, несамостоятельность. А тут друг посоветовал совершить паломничество на родину Николая Чудотворца – святое место, говорят, исполняет желания тех, кто искренне просит. Однако не зря древние предупреждали: "Бойся исполнения своих желаний"...

Анна Яковлева

Тоннель желаний

Все события, происходящие в романе, вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми – случайно.

...Ленка обожала шоу вроде «Топ-модель по-русски» и «Дом-2», таскала шмотки леопардовой расцветки и в пир, как говорится, и в мир, и в добрые люди, признавала только красный лак для ногтей и пыталась рассуждать о высоких материях, при этом ничего, кроме дамских романов, не читая.

Как-то, сидя в сортире, Славка заглянул в одну из Ленкиных книжонок и чуть не свалился с унитаза от описания любовной сцены.

Герой не отдышался еще после боя без правил, где его неслабо отделали, и не смыл пот с мужественного лица, а тут – она. Ну и, ясен перец, он на нее набросился, как зверь (интересный клинический случай). И, ясен перец, она тут же воспламенилась (не менее интересный клинический

случай). И кровь-то у героев закипала, и воспаленная-то кожа горела, и электрические разряды пробегали, все искрило, и мгновенно обоих скрутила необузданная, первобытная страсть. Ясен перец, несколько соитий подряд – плевое дело для героя, особенно после спарринга.

Гуманоиды. Тьфу. Читать такое можно только по постановлению суда.

Излюбленные Ленкины шоу были того же пошиба.

Весь вечер Вячеслав крепился, сколько мог, но испытание оказалось ему не по силам: в «Доме-2» случилась драка, и терпение у Славки лопнуло. Он взмолился:

– Как это можно смотреть? Выключи! Выключи этот отстой или переключись на другой канал!

Подозрение, что у Ленки неразвитый художественный вкус, подтвердилось на все сто.

Сама же Ленка жила с уверенностью, что добилась в жизни всего и никто ей не указ. Господи ты боже мой, фыркал Вячеслав, личный рекорд – магазин тряпок где-то на задворках империи.

– Выключи!

В ответ на Славкины выкрики Ленка меланхолично забрасывала в рот орешки и двигала челюстями – тупое жвачное животное.

Иногда Вячеслав Морозан спрашивал себя: как это вышло, что они вместе?

– Выключи! Это же для идиотов!

– Ага, полстраны идиотов.

– Угадала! Полстраны дебилов и маразматиков. Поэтому так и живем!

Не отрываясь от экрана, Ленка пошарила ладонью по дивану в поисках пульта, нашла и усилила звук.

Потеряв остатки терпения, Морозан взъерился:

– Выключи, или я выброшу телик к едрене фене в окно!

С тем же успехом Славка мог выкрикивать претензии фонарному столбу. Угроза не возымела никакого действия, Ленка оставалась невозмутимой, как цветок лотоса.

Не поворачивая головы, она – апологет дамских романов и эпигонских телепроектов – без всякого выражения произнесла:

– Пошел на...

– Ду-ура! – в глухом бессилии простонал Славка и посмотрел в потолок, ища поддержки у небесных сил, – не нашел.

– Неудачник.

– Торгашка.

– Пьянь.

– Дешевка.

– Ничтожество.

Вот это было лишним.

Кем-кем, а ничтожеством Славка себя не считал.

Офицер-пограничник в запасе, бывший командир,

бывший герой-любовник...

Морозан был кем угодно, только не ничтожеством.

Не тратя лишних слов, Славка подскочил к телевизору и сорвал его с тумбы. Провод натянулся, застрял в ев-ророзетке, мать ее так, и не отпускал. Грохнув телевизор на место, Славка наклонился и осатанело выдернул шнур.

– Э, ты чё? – проблеяла Ленка: наконец до нее стало доходить, что любимый не шутит. – Спятил?

Славка злорадно ухмыльнулся:

– Не дожدهшься.

Он вдруг успокоился. Хладнокровно, полностью отдавая отчет в своих действиях, отбуксировал телевизор на балкон и водрузил на парапет. Чернеющие внизу деревья – окна квартиры выходили на внешнюю сторону дома – словно посылали Славке свое благословление.

– Эй! Придурок! – раздался за спиной встревоженный Ленкин голос. – Ты чё творишь?

Вопрос был праздным: Славик прижал к себе твердое

тело телевизора, чувствуя тепло задней стенки, поднял над парапетом и с размаху швырнул в темноту.

Последовал короткий треск и хруст сучьев престарелых тополей, удар и взрыв кинескопа, рассыпавшегося в пыль.

Где-то неподалеку залилась лаем собака. И все.

Потревоженная ночь, как космос, поглотила всплеск энергии и зажила своей жизнью.

Собственная выходка Славке понравилась, он свесился с балкона и несколько минут вслушивался и всматривался в молчаливую черноту, потом оглянулся и с победным видом посмотрел на Ленку, балансирующую на пороге балкона.

Несколько секунд Ленка в упор расстреливала триумфатора пронзительным взором.

Вот за что Славка ценил свою сожительницу – никогда не знаешь, что от нее ждать.

Как Охотское море, где служил Вячеслав, Ленка была интригующе непредсказуема, и эта черта ее характера заводила Славку больше плутовских глаз, больше упругой

попки, больше крупного чувственного рта. И даже больше пятого размера груди.

Единственное, в чем он не сомневался, так это в том, что ответ последует незамедлительно.

Вскинув подбородок, Ленка развернулась и, показывая бедрами, неторопливым шагом направилась в сторону кухни. Лопатками, плечами, упрямым затылком – всем организмом она излучала протест.

Проводив заинтересованным взглядом виляющую попку, Славка с запоздалым беспокойством вспомнил об остатках сервиза на двенадцать персон – за несколько приемов Ленка его почти прикончила.

В голове у Славки застучали шестеренки, подгоняя следом за чумовой Ленкой на кухню, но там ее не оказалось.

Со шваброй в руках она выплыла из туалета.

– Ты что задумала? – заинтригованно спросил Славка, рассматривая швабру, – в Ленкином репертуаре такого реквизита еще не было.

Это была доисторическая швабра – до жути неудоб-

ная и тяжелая, наверняка побочный продукт какого-нибудь «ящика», закрытого КБ.

Деревянная ручка заканчивалась металлической пере-
кладной с двумя зажимами, и Славку посетила шаловливая
мыслишка, что швабру в данном контексте следует заменить
метлой – с метлой Ленка бы смотрелась органичнее.

Под пристальным Славкиным взглядом Ленка уверен-
но продефилировала по коридору и хлопнула входной две-
рью.

Поспешно сбросив домашние шлепанцы, Славка су-
нул ноги в туфли (при этом не забыл воспользоваться лож-
кой для обуви), но, когда выскочил на лестничную площад-
ку, лифт с высокой ноты взял старт. Пришлось догонять по
лестнице.

К тому моменту, когда Вячеслав Морозан спустился
с одиннадцатого этажа многоэтажки и вылетел из подъезда,
лобовое стекло девятой модели его родных «жигулей» было
изрыто дырками, точно побито молью, и покрыто густой се-
тью трещин.

Схватка происходила под фонарным столбом, и разъ-
яренная Ленка во всем великолепии, и страдалец-жигуль, и

все подробности сцены видны были как на ладони.

Пораженный, Славка замер под козырьком подъезда и стоял несколько мгновений, пока Ленка в очередной раз не размахнулась шваброй, как ледорубом, и не всадила металлический угол в стекло.

– Твою мать, – изрыгнул Славка, срываясь с места.

Куда, черт возьми, смотрят соседи – ну хоть бы кто-нибудь высунулся с балкона и пригрозил разрушительнице полицией, общественностью или божьей карой! Неужели все приклеились к телевизорам и пялятся на идиотическое шоу?

Пока он бежал к машине, часть стекла успела осыпаться мелкой крошкой внутрь салона.

Подбежав к обезумевшей валькирии, Славка поймал ручку швабры и попытался вырвать орудие – не тут-то было: Ленка была одного с ним роста, в объеме тоже не уступала. Кроме того, Славке досталась ручка, а Ленка успела ухватиться за металлическую часть, что значительно осложняло дело.

Они держались за швабру с разных концов и, раздувая ноздри, смотрели друг на друга. В этот момент Слав-

ку порази́л Ленкин взгляд: он не был затуманен злобой или ненавистью – в нем лихорадочным огнем горел азарт.

...У трезвой у Таськи истерик не случилось. Трезвая Таська была невозмутима, как дверь, за что Егор величал ее парадным именем – Таис.

В запасе у Егора имелось несколько вариантов имен супруги на все случаи жизни: домашнее, бытовое, уютное – Тая. Унифицированное Тася. Интимное Тасюсик.

Тася была родом из детства, где в киосках «Союзпечать» продавались наборы фотографий актеров и актрис, где мягкими, вкусно пахнущими руками обнимала мама, где отец громким шепотом будил на рыбалку.

Тая навевала ассоциации с талым снегом, туманами и запахом пробудившейся от зимнего сна реки.

Когда Тая-Таис-Тася накапливала изрядное количество претензий или одну, но фундаментальную, она моментально преобразовывалась в Таську, потому что все претензии мужу высказывала а) в нетрезвом виде; б) сопровождая бурными рыданиями.

В обычном состоянии голосок у Таисии был нежный, как лепет младенца, а во время истерик вполне мог конкурировать с китайской пыткой ультразвуком.

Оставалось только благодарить небеса, что опорожненная бутылка вина – не такое частое явление, к тому же не каждая бутылка сопровождалась слезами и соплями, как сегодня.

От непрерывных рыданий, поднимавшихся над грудой подушек, Егор безуспешно пытался дезертировать в пасьянс.

Главное, что его добивало, – он был уверен, что не знает причину нынешнего извержения. Вот хоть убей – не знает, и все.

Вечер проходил как обычно. Ужин готовили вместе – Егор любил, когда вокруг него все вертелось. Сколько бы народу ни было рядом, всем находилось дело. В такие мгновения Егор очень напоминал дядюшку Поджера из «Трое в лодке...», когда тот прибывает картину.

Как дядюшка Поджер, Егор неподражаемым тоном заявлял: «...Я все сделаю сам...» И в доме начиналась свистопляска. Единственное, что извиняло в такие моменты Его-

ра, – результат. Он впечатлял. Уму непостижимо, но даже обычные макароны и омлет превращались у Егора в изысканное блюдо. Не зря он вынашивал тайную мечту стать ресторатором.

Как обычно, Егор откупорил бутылку вина, наполнил два бокала (в этом уже было предчувствие праздника), они с Тасюсиком сделали несколько глотков, и шеф-повар приступил к священнодействию.

Обычно шоу привлекало зрителей: шестнадцатилетнюю дочь Настену, двухлетнего чихуахуа по кличке Барон, обжору и ворюгу, и бабушку Егора по материнской линии – глухую как пень Янину Григорьевну, которую в принципе незлобивая Таська в минуту слабости про себя окрестила Ягой.

Каким-то непостижимым образом Яга улавливала вибрации в атмосфере квартиры, покидала свои забытые хламом, пыльные чертоги, в ожидании ужина усаживалась на стуле и испепеляла Таську взглядом.

Холодная война, которую Янина Григорьевна развязала против невестки семнадцать лет назад, держала бабюлю в тонусе, что, несомненно, представляло интерес для геронтологов.

Упорство, туго замешенное на старческой мелочности и вредоносности, кроме скоротечных, неубедительных побед, ничего не приносило, но бабуля не теряла надежду перевоспитать рохлю-Таиску.

Семнадцать лет назад, когда Егор привел ни к чему не приспособленную девочку в дом, Янина Григорьевна была в ужасе: где у внука глаза?

Девочка делать ничего не умела и, главное, не горела желанием. Зато была на пятом месяце и под этим предлогом проводила дни в томном возлежании.

Появление Настены не сильно изменило образ жизни Таисии, она не обременяла себя штудированием книг по уходу за младенцами, кормлением по часам и глажением пеленок с обеих сторон.

Яга исходила ядом, капала на мозги Егору:

– Где ты нарыл эту лентяйку?

Яд пропадал без всякой пользы – Егор рвал жилы, чтобы прокормить семью, и сил на то, чтобы воспитывать супругу, у него не оставалось.

Силы оставались только поужинать чем бог послал и рухнуть в постель, где уже ждала молодая супруга.

Тасюсик приваливалась к боку Егора, нежными пальчиками перебирала волосы на очумевшей за день голове, поглаживала, почесывала, и все драконы уползали в свои норы, усталость стихала, лицо Егора разглаживалось.

И то, что на взгляд непоседы и аккуратистки Яги (непоседы даже в свои восемьдесят) казалось вопиющим пороком, почитай, одним из смертных грехов – лень, принесло безусловную пользу: за все трудные годы, пока Егор поднимал бизнес, Таська ни одного упрека мужу не высказала, что в конечном счете сберегло семью. С этим очевидным фактом Яга считаться не желала, поскольку он подрывал библейские устои: выходило, что врожденная лень и пофигизм – не всегда порок.

– Та-ась, – после нескольких глотков вина подхалимски спрашивал Егор, забывая, что он тиран и деспот, – ты меня любишь?

Умудренная Таисия не велась на дешевые уловки:

– Говори, что нужно?

– Где у нас дуршлаг? – звонко чмокнув Таисию в пухлую, тонко пахнущую щечку, вопрошал шеф-повар, и ассистент снимал с крючка (находил в столе, доставал с полки) и подавал инструмент.

– Тасюсик, где у нас миски? – между прочим интересовался шеф-повар и тут же получал требуемое.

Таська была на подхвате, как поваренок, очищала корешки, перебирала крупу, мыла и сортировала зелень.

Егор балагурил, травил анекдоты, подкалывал кого-нибудь из святого семейства.

– Бабуль, а что это у тебя на шее? – спрашивал он веселым басом.

– Где? – Яга шарила корявыми, негнушимися пальцами по морщинистой шее, находила нитку речного жемчуга, заплутавшую в кожных складках.

– Надо отвечать: монисты, – издавал короткий смешок Егор.

– Настена! – приставал Егор к дочурке.

– А?

– Хлеб научилась резать?

– Научилась.

– Все. Замуж пора.

– Папа! – возмущенно вопила дочурка.

Драйв, кураж и веселье становились обязательной приправой к основному блюду.

Сегодня на ужин у семейства был плов по-узбекски с гранатовыми зернами. Никаких отступлений от рецептуры Егор не терпел, и за гранатом пришлось метнуться в ближайший продуктовый Настене.

Яге досталась почетная обязанность очистить гранат от кожуры. Барон тоже не бездельничал: носился по кухне, крутился у всех под ногами и без конца попрошайничал – стоял на задних лапах и сучил передними.

Ужин проходил в самой благожелательной обстановке, разговор вертелся вокруг отпуска... Так-так-так...

Егор потер лоб, в голове молнией вспыхнула догадка, тут же подтвержденная бессвязными причитаниями:

– Светка едет, и Наташка едет, а я, как всегда, – никуда. Торчу дома, как сторожевая собака. Сил больше нет.

Егор чертыхнулся.

Наконец-то, наконец-то причина припадка прояснилась.

Светка и Наташка! Лучшие подружки, бывшие одноклассницы, две никчемные, тупоголовые, с точки зрения Егора, вопиющие дуры, одна хлеще другой.

Светка дважды пыталась устроить личную жизнь – оба раза с нулевым счетом, если не считать сына Сеню.

Наташка вообще ни одного дня и даже до обеда замужем не побывала – не сгодились никому за тридцать пять лет. И это Таськины подружки!

Теперь они, видишь ли, от безделья собрались в тур по Европе на автобусе и вербовали Таську с собой – сбивали с последнего панталыку мать семейства.

– У меня и так никаких радостей в жизни, – продолжала убиваться Таисия, – ты всегда на меня денег жалеешь, всегда. Как себе, так уже кучу машин поменял и еще байк купил. Все тебе мало. А как я попрошу чего-нибудь, так денег нет. Сколько говорю тебе: открой счет на мое имя.

На пассаже об именном счете рыдания вошли в критическую фазу и стали особенно жалостливыми.

Чувствуя себя крайне неуютно, Егор припомнил последний разговор о деньгах. Разговор вышел пренеприятнейший.

Таисия настаивала на том, чтобы он завел ей банковскую карту. Мотивировала Таська свое желание тем, что, если с Егором что-нибудь случится, она останется без средств к существованию.

– Хотя бы миллиона два у меня должно быть, – с очаровательным простодушием заявила дражайшая супруга.

Махровый Таськин цинизм задел Егора за живое. Он-то по своей доверчивости полагал, что, если с ним что-нибудь случится, жена будет безутешна, и никакие деньги не компенсируют ее горе. А вот поди ж ты, ошибся. Вот так

живешь-живешь с человеком...

При мысли, что сама Таська додуматься до двух миллионов и именного счета не могла, что ее надоумили две подколодные змеи-подружки, становилось легче, и Егор принял эту версию как рабочую.

Скорее всего, потому он и не отпустил Таську с этими профурами в Европу.

А может, и не потому.

Может, все дело в том, что он не мог себе представить, как это: хозяин-кормилец возвращается домой, а Тасюсика нет. Ерунда какая-то. Зачем? Кому от этого хорошо? Наташке со Светкой? Обойдутся. Еще не хватало жертвовать ради бабской (пардон, женской) прихоти собственным комфортом и покоем. В конце концов, он добытчик. И вообще заслуживает уважения.

Если разобраться, Таська напрасно блажит: осенью они вернулись из Греции. Зимой летали в Таиланд. Егор считал, что жена вполне может потерпеть, пока он заработает на следующий отпуск – в Турцию.

– Я не могу больше так, – надрывалась Таська.

– Блин! Как?! – взорвался Егор.

Раздраженный сверх всякой меры, он поскреб щетину и по ошибке щелкнул правой кнопкой мыши.

ТЬфу, пропасть! Пасьянс запорол!

Яростно отшвырнул мышку (она с тихим шорохом подпрыгнула и повисла на проводе), отбросил ни в чем не повинный стул и, обиженный на рыдающую жену, вышел на балкон – ему срочно требовалось покурить.

Балкон окутывала какая-то неправдоподобная, первобытная темень.

Узкий серп луны в окружении хоровода звезд не проливал света, проливал свет бледный экран ноутбука – он разбавлял ночь и худо-бедно освещал балкон.

С тяжелым вздохом Егор рухнул в неудобное низкое кресло, понюхал прохладный воздух, в котором уже угадывалось близкое лето, забросил ногу на ногу, пощелкал зажигалкой, прикурил и уставился на звезды.

За семнадцать лет семейной жизни отношение к

истерикам жены претерпело ряд изменений.

По молодости Егор трусил и тут же предпринимал какую-нибудь неуклюжую попытку спрятаться от обиженного плача и невнятных выкриков – срочно придумывал дело и сбегал на работу, а случалось, и напивался на почве недоумения.

Потом понял, что приступы жены никак не связаны лично с ним, что это явление вообще объяснить с точки зрения здравого смысла невозможно, поскольку по своей природе оно ближе к стихии. Уяснив это, Егор стал относиться к стихии философски: раз нужно, значит, нужно. Нужно урагану «Харви» обрушиться на Техас, он обрушивается. Нужно маленькому ребенку развивать легкие – он кричит. Нужно собаке лаять – она лает. Нужно женщине выплакать слезы – пусть выплачет, если иначе нельзя.

Во всем остальном Егор философом не был. Он дьявольски уставал на работе, так что философ в нем помер естественной смертью, уступив место диктатору.

Усталость же объяснялась тем, что Егор Бинч ушел от прежних партнеров по икорному бизнесу и открыл свое предприятие – «Дары Сахалина».

Ушел культурно, без скандала, без дележа и почти без обид, хотя с тем, как были расписаны роли в фирме, согласен не был.

На самом деле Егор давно хотел уйти от партнеров – этих прилипал-паразитов, но, кажется, только сейчас у него появился реальный шанс.

Все дело было в записной книжке: сейчас записная книжка хранила столько нужных имен, сколько требуется для того, чтобы выйти в свободное плавание. По сути, записная книжка была клиентской базой Егора Бинча.

Если бы такая записная книжка была у него лет десять – пятнадцать назад, скольких унижений и ошибок он сумел бы избежать!

Егор прикурил от старой сигареты, с удовольствием затянулся и отыскал глазами Большую Медведицу.

Да, он стал жестче не только на работе, но и дома – опять-таки, что тут непонятного?

В доме три ба... пардон, женщины, женщины.

Таська не работает, ведет домашнее хозяйство и встре-

чает мужа с работы.

Настене только шестнадцать – тоже не работает. Бабуле восемьдесят – уже не работает. Все сидят у него на шее. Нет, он не против, ему по силам их прокормить.

Егор улыбнулся звездам. Все-таки чертовски приятно сознавать, что прокормить семью тебе по силам. И даже немного больше, чем прокормить...

Правда, попутно он установил по месту жительства свою полную, абсолютную, неограниченную власть.

Когда ехать в отпуск, когда делать ремонт в квартире, покупать шубу жене или не покупать, сколько тратить на питание, а сколько на развлечения – все это и многое другое решал он.

Вез жену к зубному, дочь – на теннис, бабушку – к сурдологу тоже он. В промежутках между переговорами и командировками ухитрялся что-то покупать всем троим. Есть время – заскочил в магазин, увидел, прикинул: ничего так себе. Заверните мне вот это пальтецо. Понравится Настене (Таське, бабуле) – будет носить с удовольствием. Не понравится – будет носить без удовольствия.

И здесь Егор находил себе оправдание.

В понимании Егора домашний тиран – это человек, у которого нет времени на ненужные препирательства и демагогию, это узурпатор поневоле.

Его время – деньги.

Ну так и будьте готовы к тому, что от вас, дорогие мои ба... дамы, в ответ требуется послушание и готовность услужить. Тсс! Услышали щелчок? Это захлопнулась ловушка.

Хотите на волю – отвечайте за себя. Или найдите себе другого отца, мужа, внука, демократичного и тонко чувствующего.

Демократичный и тонкий не держится за власть, предпочитает сузить круг ответственности или вообще ни за что не отвечать, для чего делегирует полномочия домашним.

При демократе-муже жена пашет от звонка до звонка. Дочь начинает подрабатывать с четырнадцати лет в «Макдоналдсе» или в какой другой сети быстрого питания, а сын вырастает шалопаем, у которого на уме ночные клубы, гитара (компьютер, сноуборд, паркур, байк и т. д.) и девочки.

Если бы дурища Таисия дала себе труд вникнуть, что волонтаризм – это способ экономить силы, не истерила бы.

От созерцания звездного неба мысли Егора постепенно перестали напоминать кардиограмму сердечника.

После армии (это были золотые девьяностые) Егор сошелся с земляками-дальневосточниками и стал возить с Сахалина в Москву рыбу и красную икру.

Поначалу бизнес был пигмейским. Даже бизнесом не назовешь. Заработок был сезонным и не всегда верным – кидали партнеров в те времена по-черному. И не всегда умышленно, а по цепочке, потому что срабатывал принцип домино.

Многие ожесточались и подавались в братки – Егор знал таких.

Почему сам не переметнулся? Трудно объяснить, хотя это был выход, это было легче и проще – переметнуться. Что удержало его на этом берегу? Наверное, Таисия, а потом они вместе – Таисия с Настенкой.

Во всяком случае, одному вымогателю он отпустил грех своих девчонок.

Отдал икру на реализацию партнеру, с которым ели-пили-отдыхали, вместе пуд соли съели. Партнер оказался насквозь гнилым: пропал куда-то. Грубо говоря, слинял. Ни икры, ни денег.

Егор помнил день, когда приехал домой к этому мошеннику. Ехал – хотел порвать. Думал, задушит на пороге квартиры. Нажал на кнопку звонка и сжал кулаки, готовый уложить иуду на месте.

Открыла жена партнера.

Егор глянул на ее необъятное брюхо и полуторагодовалого младенца на руках – будто налетел с разбегу на стену.

– Где Игорь? – разлепил он сухой рот.

– Я не знаю, где он. – Беременная женщина дрожала всем телом, младенец поддерживал мать голосом.

Егору показалось, что он смотрит фильм про войну, эпизод «фрицы заняли село», где роль фрица досталась ему.

Игоря Завьялова он вычеркнет из своей жидкой записной книжки, чтобы больше никогда не вспоминать. И долг

вычеркнет вместе с именем.

Девчонок тогда прокормил окорочками: стал торговать гуманитарными «ножками Буша». Чем торговал, то и домой волок. Так и выкрутился.

Это в последнее время в его усталости появилась какая-то обреченность, а тогда адреналин бил фонтаном, был чем-то вроде заместительной терапии – никакая хворь не брала.

Сейчас, только чтобы избавиться от усталости, приходилось накатить граммов сто пятьдесят – от алкоголя ледяная глыба в груди становилась пористой, проседала и таяла. Егор чувствовал, как расслабляются мышцы, отпускают мысли.

Абсолютный монарх на короткое время покидал престол, как мальчишка у футбольного поля сбрасывает школьный ранец, так и он клал на трон жезл и скипетр, снимал корону и превращался в веселого и шумного шеф-повара.

Нажив седины и статусный животик – соцнакопления, как говаривал дед, – Егор готов был поделиться властью с домашними, только им это даром было не нужно. Они не хотели власти. Никакой.

Их устраивало все как есть. Они носили вещи, которые он покупал, ехали туда, куда он их вез, ели то, что он предпочитал.

Откинув голову на спинку кресла, Егор блуждал взглядом по небу, пока не почувствовал, как успокаиваются нервы, – звезды его всегда умиротворяли.

Прямо над головой в бездонном небе плавали Большая и Малая Медведицы – их Егор нашел без усилий. Потом дал себе задание посложней: найти созвездие Кассиопеи, Цефея и Лиры.

Цефей с Кассиопеей отыскились почти сразу, а вот Лира ускользала, и от этого Егор почувствовал обиду и без всякой логической связи снова вспомнил двух куриц – Светку и Наташку. С первого дня замужества Таисия пыталась навязать подружек в качестве придатка к самой себе.

– Они хорошие, – агитировала она мужа, – они добрые. Они беззлобные. Просто к ним нужно привыкнуть.

Как же, как же. Хорошие они... Когда спят. А когда бодрствуют, становятся злобными неудачницами. Привыкнешь к таким, как же. Можно привыкнуть к пираньям?

Избегая кислотных мыслей, Егор снова уставился в небо и попытался вспомнить, какая звезда болтается над ним: Вега или Полярная?

Кажется, Полярной оканчивается ручка ковша какой-то из Медведиц. Большой или Малой? Ага, вот она, Большая: семь звезд, и все одинаковые. Значит, у Малой.

Едва Егор добрался до ручки ковша Малой Медведицы, в прихожей раздался необычайно резкий по ночному времени звонок телефона.

Ответить на звонок было, как всегда, некому: бабуля еще в те времена, когда со слухом у нее был полный порядок, не подходила к аппарату принципиально, считая, что она, как старослужащий солдат, может себе это позволить.

Настена ест, пьет, моется в наушниках, к которым подключено все, что только можно подключить, и тоже игнорирует телефон. Оставались две боеспособные единицы – Егор и Таисия, но Таисия была при деле, выходило, что кроме Егора снять трубку некому.

Дожил, блин. Полный дом народу, а он бегай, как мальчишка.

Телефон не унимался.

С сожалением пристроив в пепельницу только что прикуренную сигарету и гадая, кто бы это мог быть (никаких деловых звонков в это время он не ждал), Егор вытащил себя из кресла и направился в прихожую.

Обессилев от слез, Таська зарылась в подушках и мирно посвистывала заложенным от слез носом. Эта способность засыпать от усталости всегда поражала Егора: он как раз от усталости спать не мог. Наверное, разная у них с Тасюсиком усталость.

– Егор, привет. – Это был Славка Морозан. Собственно, никаких вариантов, кроме Морозана, не было.

Славка Морозан – друг и партнер, единственный человек, кто мог звонить практически в любое время суток: понятия «поздно» для него не существовало.

– Привет. – Забрав с собой трубку, Егор вернулся на балкон, устроился в кресле и сделал затяжку.

– Можно у тебя переночевать? – не стал ходить кругами Славка.

...Из двух имеющихся в наличии диванов один – в столовой, как почтительно именовала кухню Яга, – не раскладывался, и друзья трижды тянули жребий – трижды выбрасывали пальцы.

Волею судьбы кухня досталась Вячеславу, а Егор устроился в гостиной на шикарном итальянском диване, который ловким движением руки превращался... в двуспальную раскладушку.

Под весом Егора пружины на раскладушке растянулись и немислимо скрипели, за что Егор ненавидел ее всей душой.

Покрутившись без сна около часа и прокляв все на свете, Егор поднялся и осторожно, стараясь ничего не зацепить в темноте и не наступить на вездесущего Барончика, пробрался на кухню.

– Это ты? – встретил его Славкин шепот. Именно на это Егор и рассчитывал.

– Я. Не спишь? – глупо спросил он.

– Не могу.

Щелкнул выключатель, Егор скорбно улыбнулся:

– Водку будешь?

– А есть? – Другого ответа от Славки Егор не ждал.

Организм у Морозана был устроен весьма и весьма оригинально: без алкоголя сахар в крови повышался, портил всю картину. Алкоголь же проникал сквозь мембрану клетки, прицепом перетягивая за собой инсулин. На радостях Славка беззастенчиво злоупотреблял алкоголем.

Через десять минут был накрыт холостяцкий ужин, на столе появилась кета горячего копчения, красная икра, гребешки в кляре и баночка тресковой печени.

Предвкушая славный межсобойчик, друзья наполнили рюмки.

Совершенно не ко времени в коридоре раздался грохот – так Яга, не рассчитав силушку, обычно распахивала дверь своей комнаты, – послышались шаркающие шаги, и в дверном проеме нарисовалась согбенная бабуля.

Тонкие, как младенческий пух, остриженные под горшок, подкрашенные хной волосенки торчали в разные стороны, под ночной рубашкой болталась отвисшая грудь.

– Добрый вечер, – с претензией на светскость поздоровалась Яга и переваливающейся походкой перетекла на кухню.

– Слуховой аппарат Яга игнорировала, в разговоре с ней приходилось повышать голос.

– Привет, ба, – громко ответил Егор.

– О, как у вас тут. – Яга неодобрительным взглядом окинула сервированный на скорую руку стол. – Развод отмечаете? – Тугая на ухо бабуля в самые неожиданные моменты жизни поражала прозорливостью.

Иногда домашние терялись в догадках: это проявление редкой мудрости или на самом деле тугоухости никакой не существует, а есть чистой воды симуляция?

– Точно, – отозвался Славка. К бабуле он относился снисходительно, нежелание носить слуховой аппарат объяснял пушкинской строкой «он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог».

– Ба, а ты чё не спишь? – опрометчиво поинтересовался

Егор.

Яга тотчас пустилась в подробности:

– Ой, не спрашивай. Какая в этом году весна тяжелая. Погода туда-сюда, туда-сюда, никак не установится, ветер без конца меняется. То был западный, то стал юго-восточный, потом еще какой-нибудь. Вот давление и скачет. Утром было сто пятьдесят на восемьдесят, вечером – сто восемьдесят на девяносто. Как бы скорую не пришлось вызывать, – оптимистично завершила свое спонтанное выступление она.

Друзья переглянулись, и Егор невнятно пробормотал:

– Держись, ба, ты у нас этот... оплот.

На лице у бабули появилось загадочное выражение, которое появлялось, когда она или не хотела слышать, или не понимала, о чем речь.

С этим загадочным выражением на лице бабуля направилась к святой святых – шкафу, в котором хранила самое дорогое: зачехленный стетоскоп и шкатулку для рукоделия. Шкатулка, вопреки ожиданиям, являлась филиалом круглосуточной аптеки.

С аппаратом в одной руке, с аптечкой в другой, Яга проковыляла к столу, устроилась на одном из стульев и вся сосредоточилась на стетоскопе.

– Покурим? – предложил Вячеслав, с некоторым сожалением поглядывая на полную рюмку.

Мужики поднялись, заняв сразу все пространство, и вымелись на балкон.

Привороженная содержимым аптечки, Яга и через десять минут все еще торчала за столом.

Наконец под отчаянными взглядами друзей старушка покинула кухню, и рюмки сомкнулись.

– За нас.

– За нас. – Краткость тоста объяснялась его зрелостью.

После первой закусили в полном молчании – слишком много всего было на душе, чтобы сразу выбрать тему для разговора.

Неожиданно Егора повело с двух глотков и потянуло на откровенность.

– Слушай, Слав, – пугаясь того, что хочет сказать, начал он, – меня мысли о вечном посещать стали. Даже купил Таське еще брюликов: если со мной что случится, хоть первое время не будет бедствовать.

На лице Вячеслава отразилась целая гамма чувств. Победило удивление.

– Откуда такие мрачные мысли?

– Как тебе сказать? Перелеты, поездки – все в жизни бывает. Она же совершенно неприспособленная. Пропадет без меня.

Над столом воцарилось молчание.

Признание повергло Славку в недоумение: он категорически не был согласен с утверждением, что Таська неприспособленная. Неприспособленная – это вообще не о Таське. Таська как раз редкая приспособленка. Или это только со стороны видно?

Кроме того, Вячеслав пытался лихорадочно сообразить, как себя вести при новом, незнакомом Егоре.

– Я слышал, – совершенно не в тему отозвался Славик, – что если родители благословили сына иконой Чудотворца, то он будет главой семьи. Признайся, тебя благословляли Чудотворцем?

После того как у Морозана обнаружили сахарный диабет, он перестал себе отказывать: не только стал впадать в запой, но еще ударился в религию.

Сбитый с толку, Егор растерянно посмотрел на гостя.

– А фиг его знает. – Далекий от православия и веры в целом, Егор как-то вяло усмехнулся. – Интересно, а если женщину благословить Чудотворцем?

– Тогда она будет как Ленка у меня.

«Как Ленка – это, конечно, перебор», – быстро подумал Егор. Тасе хватило бы и десятой доли Ленкиной экспрессии.

– Да-а? – заинтригованно протянул он. – А что, Ленку благословляли какой-то иконой?

– Это я так, к слову. Но ты сам видишь: Ленка – не баба, а конь в юбке. Вот ты можешь представить, чтобы Таисия взяла швабру и расхреначила лобовое стекло в твоей машине?

– Только в порядке бреда, – подумав, согласился Егор. – Честно, Слав, я не знаю, что лучше, а что хуже. Мне иногда хочется, чтобы Таська хоть что-нибудь предприняла. Нельзя же до конца дней такой паразиткой оставаться. Ну, я в том смысле: обвиться и висеть.

Теперь молчание стало прямо-таки драматичным.

– А давай съездим в Бари, – вышел с внезапным предложением Вячеслав. – Поклонимся мощам Николая Угодника.

– Зачем это?

Захваченный идеей, Слава отодвинул тарелку и устроил локти на столе.

– Слушай, как это я раньше не додумался? Нам с тобой обязательно нужно съездить и поклониться мощам Чудотворца. Можешь не верить, но все получают просимое у святого Николая. Все, без исключения. Ты попросишь Николая за Таську, а я за себя. – Он постучал пальцем по бутылке. – Скажу тебе по большому секрету: если мне Угодник не поможет, мне уже никто и ничто не поможет.

Славик говорил с такой искренней верой в глазах, с

такой силой убеждения, что Егор на мгновение поддался:

– Бари – это где?

Отдающая религиозным фанатизмом, идея съездить к Чудотворцу приобрела в его глазах совсем другое звучание. Ради того, чтобы Таська без него не пропала, Егор, пожалуй, поклонился бы каким угодно мощам.

– Это побережье Италии.

– Зачем так далеко переться? – уставился на своего гуру Егор, – мало в Москве церковей Николая Чудотворца?

– Э-э, – досадливо поморщился «гуру», – ничего ты не понимаешь. Там мощи. Они мироточат. И святыни, которым несколько веков. Они намолены. К ним прикоснешься – и желание, считай, исполнилось.

– Намолены? – удивился странному слову Егор.

В этот момент он увидел их с Морозаном со стороны.

Ночь. Двое здоровых мужиков сидят за рюмкой и ведут странный разговор.

В бесконечной звездной ночи, в которой они волею случая оказались вдвоем, в этом бредовом разговоре, в том, что они рассиропились и устроили душевный стриптиз, – во всем была какая-то ненормальность, какое-то помешательство.

Не говоря о том, что лететь специально в Италию за какой-то мифической благодатью – полный идиотизм. Совсем другое дело – как бы невзначай, как бы мимоходом оказаться перед какой-нибудь мироточивой, намоленной, или как там у них это называется, иконой. Совместить приятное с полезным – почему нет?

В этом году Егор планировал Турцию, и отступить от планов было не в его привычках. Мысль об этом придала уверенности.

К Егору вернулся его всегдашний скептицизм, он совершенно пришел в себя и разлил еще по одной.

– А в Турции, случайно, нет каких-нибудь мощей?

– В Турции? – Славик так изумился, что не донес рюмку до рта.

– Да. Я хотел свозить Таську в Турцию в этом году. Так

что поищи мощи в Турции.

Славка помрачнел и насупился:

– Откуда в Турции быть мощам? Хотя, – озарило его, – я как-то смотрел передачу о святых по ТВЗ, там что-то было про Турцию. Да! Точно. Вроде бы там родился Чудотворец. Вроде турки сперли мощи святого, а потом у турок мощи выкрали итальянцы – короче, мутная история. Но в передаче показали храм Святого Николая в горах. Раз есть храм, то наверняка есть и святыни. Можно рвануть и туда, – не очень уверенно закончил Славик и хотел уже опрокинуть сто граммов, но Егор остановил друга:

– Подожди.

Канули в Лету времена, когда он рисковал всем, что имел. Теперь Егор был очень чувствителен к своему статусу и не любил попадать впросак.

– Надо узнать все точно, поискать в Интернете, позвонить в туристические агентства. Короче, собрать информацию.

– Точно-точно! – загорелся Славик, – я наведу справки и доложу оперативную обстановку.

За это они и выпили.

* *

...Тезис о том, что сила женщины в ее слабости, Ленка считала шовинистическим. Как это сила может быть в слабости? Одно из двух.

Либо ты слабый, либо ты сильный. Если слабый, тобой все помыкают. Если сильный, помыкаешь ты.

Она, Елена Федосеева, сильная. Егор Бинч тоже сильный, вот и подмял под себя Таисию. Раздавил. Елена бы тоже раздавила Славку, если бы захотела. Просто цель считала недостойной.

А так – воля у нее несгибаемая.

Благодаря своей несгибаемой воле в начале девяностых она получила серебро на первенстве России по лыжному спорту среди юниоров, благодаря характеру не потерялась, когда Федерация лыжных гонок развалилась и надежное, стабильное будущее сделало ручкой.

Собрала волю в кулак, окончила торговый техникум и до последнего тащила маму-инвалида и брата-наркомана.

Сначала брата, а потом и маму Лена похоронила незадолго до встречи с Морозаном, так что на данный момент жизни Славка был ее семьей, ее самым родным человеком – это Ленка обнаружила неожиданно и страшно удивилась, когда поняла, что привязалась к этому сучьему потроху, к пьяни гидролизной, к этому слюняю и размазне.

Единственное, что было у них общего, – любовь к лыжам. Благо на Сахалине с этим никаких проблем.

Логично, что единственным местом, где они переставали собачиться и заключали перемирие, была лыжня – хоть не снимай лыжи, так и ходи по квартире.

Превращать жизнь в лыжню, при всей ее любви к лыжному спорту, Ленка не желала. Ну, в конце концов, в природе не всегда зима, случается и лето.

Бывают ведь и женские недомогания там, и разные обстоятельства... Например, малогабаритная квартира. Или, может, она когда-нибудь (невероятно, но вдруг) решится родить кого-то этому недотепе Морозану. Когда он переедет на Сахалин, что маловероятно. Или когда она решится переехать к нему в Москву – что еще менее вероятно.

А пока слишком все зыбко.

Морозан практически живет на два дома. Каждый рыболовецкий сезон они по очереди с Бинчем торчат на Сахалине. Полгода на Сахалине – полгода в Москве. Кстати, Ленка со Славкой на Сахалине и познакомились.

Заканчивается у Морозана сезон – Ленка прилетает за товаром в Москву. Так и мечутся оба между Дальним Востоком и столицей.

Одни разговоры по телефону чего стоят.

– Нужна тебе эта лавка в твоём Задрыщенске? – орал Славка.

– Не в Задрыщенске, а в Корсакове, – надменно возражала Ленка, – а тебе? Нужна тебе эта помойка – Москва?

Каждый раз намечали дату, когда сядут, все взвесят, обсудят и решат. Дата проходила, решения не было. Несмотря на всю силу воли, негибкую и железобетонную, Ленка панически, до кишечной колики, до тошноты, до ломоты в висках боялась потерь. А Славка был прогнозируемой потерей: сахарный диабет.

...Воткнутый в держатель телефон разрывался, но Егор звонки сбрасывал – новый бухгалтер Алексей Цупров, на редкость прилипчивый малый, доставал идиотским вопросом:

– Егор Александрович, когда вы приедете?

Ему, видите ли, приспичило оплатить налоги в первой половине дня. Чем вторая половина дня не устраивает бухгалтера, Егор не понимал и злился.

– Когда закончу, тогда и приеду, – буркнул он в трубку и нажал отбой.

В пять утра они с Морозаном разъехались по делам: Егор укатил выручать застрявший на станции Москва-Товарная-Павелецкая контейнер с морепродуктами из Ванино, а Славик отправился на базу – отгружать продукцию клиентам.

Закончить быстро не получилось.

Бумаги были лучше, чем настоящие, но в договоре и в счете-фактуре мелькало два разных наименования, и

инспектор Россельхознадзора («Россельхознадзора», как прозвали ведомство предприниматели и рыбаки) Дмитрий Васильевич – приятный мужчинка средних лет, по виду добряк и балагур – чуть не час выклевывал Егору печень. Лишенное фискальных полномочий, ведомство тихо цвело пышным цветом на злоупотреблениях в икорном бизнесе.

Видно было, что этот малый с ясными, чистыми, как у младенца, глазами считал предпринимателя перспективным на предмет взятки и просто не мог с ним расстаться. «Вымогатель хренов, – злился Егор. Скулы свело, улыбка уже превратилась в оскал. – Нюх у прохвоста – как у таксы».

Очень не хотелось пользоваться «телефонным правом», но, если этот иезуит не отстанет, он просто вынужден будет позвонить своей «крыше».

Егор достал из пачки последнюю сигарету и прилепил к спекшимся губам (пачку распечатал утром, во дворе дома, когда разъезжался с Морозаном). Во рту уже было горько от никотина.

А Дмитрий Васильевич мучился сомнениями.

Уличить предпринимателя в мошенничестве ему было не по силам, с одной стороны, с другой стороны, он рас-

считывал раскрутить жертву на взятку. Взятка была предпочтительней: Василич мечтал пересесть с «форда» на что-то более приличествующее его должности. Пока что жертва выскальзывала, прикидывалась валенком.

Поклонник Пикуля, Дмитрий Васильевич поглядывал на предпринимателя с нежной грустью: «Баязет, блин, из себя корчит. У нас и не такие выбрасывали белые флаги».

Предприниматель Егор Александрович Бинч был действительно перспективным предпринимателем, настолько перспективным, что мелким чинушам взятки не давал – мордой не вышли.

– Дмитрий Василич, ну хлопни штамп уже, – с нервным смешком попросил Егор, когда вышло всякое разумное время на аудиенцию.

– Не могу, Егор Александрович. Не-мо-гу. – Такса скуксилась, изображая глубокую непритворную скорбь.

– Почему? Все же в порядке.

– Да ничего не в порядке, – сердечно воскликнул Дмитрий Васильевич. – Да ты сам все знаешь.

– Что я знаю?

– Как бы контейнер не пришлось вскрывать. У тебя в инвойсе икра от ООО «Берег», а договор с ООО «Берег» и ООО «Наутилус». Контрабас гонишь.

– Такими объемами? Шутишь? – играя по правилам, оскорбился Егор Александрович.

Разговор зашел в тупик.

«Если сейчас он не поставит штамп, я окажусь в полной заднице», – уныло подумал Егор, и небеса в этот момент явили божескую милость.

Где-то в глубинах форменного зеленого кителя зазвонил мобильный телефон, и, едва взглянув на высветившийся номер, чинуша подобрался:

– Да, Константин Иванович. Да, – последовал короткий взгляд в сторону Бинча, – да. Да. Понял. Есть.

Сразу после разговора благообразная физиономия подернулась обидой.

– Что ж ты, Егор Александрович, молчишь? О тебе такие люди беспокоятся, а ты молчишь.

– А ты что, первый день на службе? – Егор не собирался распространяться на эту тему. Он вообще предпочитал меньше говорить в чужих кабинетах.

* * *

...Первую половину дня Славик разжигал в себе обиду и жажду мести, упустив из виду, что еще ночью строил планы, как с помощью святых угодников окоротить Ленку.

«Попытка создать семью провалилась, – с угрюмым видом убеждал себя Морозан, – примирение невозможно».

Если он помирится с Ленкой, то она окончательно распоясается.

«Это ей с рук не сойдет. Совсем свихнулась, дура. «Жигули» я так не оставлю, – растравлял себя Славка. – «Жигули» – это ни в какие ворота. Такое не прощается».

Растравлял себя Славка искусственно. Внешняя суровость воина на поверку оказывалась напускной – сердце у воина было мягким, по этой причине у них с Ленкой всегда

первым мирился он.

Задавал себе вопрос: кому я нужен, инвалид? Жить осталось три пятницы, а я кочевряжусь. И мирился.

Всегда мирился, а сейчас не станет.

Сейчас пришло время сломать несправедливую, непонятно кем и когда заведенную традицию.

К обеду Вячеслав Морозан почувствовал, что накопил достаточно желчи и презрения, чтобы покончить со своей слабостью раз и навсегда и указать Ленке ее место.

В качестве меры унижения даже составил список литературы, которую ей нужно прочитать; список пьес, которые нужно посмотреть; музеев, которые нужно посетить, и так далее. А то это дитя природы даже в Третьяковку не удосужилось сходить, а гонору-то, а гонору... Махровая провинция, разговаривать бы научилась, а то «ложит»,

«звонит» пересыпают речь, и это еще далеко не все перлы.

В этом месте Славка хмыкнул, поняв, что примеряет на себя роль великого просветителя. Он, конечно, может воображать себя хоть Вольтером, хоть Монтескье и Жан-Жа-

ком Руссо в одном лице, только Ленке фиолетово.

Она сама себе просветитель и с тем же успехом может составить длинный список, куда следует отправиться ему, Вячеславу Морозану.

От него требуется только одно: выдержать характер. «Короче, – сказал себе Морозан, – мужик ты или где? Пора решать».

Но Ленка и тут его переиграла.

Позвонила первая (случай беспрецедентный в их практике), застала врасплох, смяла оборону противника и предложила ничью:

– Ладно, Вячик, сознаю: погорячилась. Прости. Давай поедem за телевизором вечером?

Как православный христианин, Славка уже готов был согласиться, но бес попутал.

– Думаешь, ты так легко отделаешься?

– Ну, хорошо, – медленно произнесла на другом конце мегаполиса Ленка, – я оплачу лобовое стекло в твоём дранду-

лете.

– Я и сам в состоянии оплатить, – оскорбился Славик – слаб человек.

Ленка помолчала, потом бодро произнесла:

– Тебе уже давно пора поменять тачку.

– А-а, – сообразил Славик, – так это ты так поспособствовала?

– Ладно, если ты такой нищий, так и быть, куплю тебе машину. Через месяц.

Славка на мгновение потерял дар речи. Идея была просто захватывающей, жаль, что авторство принадлежало не ему.

– Не пойдет, – как только обрел голос, тут же стал торговаться он, – как ты себе это представляешь: я целый месяц буду без колес?

– Ну, как-нибудь, – предложила не самый лучший выход Ленка, – я же без телика осталась, и ничего.

– Нашла что сравнить. Мне машина нужна для работы, а тебе телик – для развлечения.

Это была жалкая попытка сохранить воинственный настрой.

От Ленкиного низкого голоса, от полуулыбки на сочных губах, которые так и видел Славик, обида таяла, как пломбир под солнцем, стремительно и безнадежно. Нужно признать, Ленка была великой мастерицей дурить голову. Или все дело в нем самом?

Ну почему он такой конформист?

– Заменишь лобовое и на старой поездишь, – уперлась Ленка, и Славик мгновенно испытал раскаяние.

Ну чего он на самом деле? Пусть это будет самой большой неприятностью в его жизни – разбитое лобовое стекло.

– Лен, а давай в кино ходим? – вдруг предложил он, и Ленка рассмеялась:

– Давай. Чур я выбираю фильм.

Славка обожал, когда Ленка смеялась, и совершенно

размякал. Ну вот, опять она на коне, обреченно подумал он, опять она из него веревки вьет.

Словно подслушав его мысли, Ленка в очередной раз обезоружила противника:

– Ладно, фильм выбирает наиболее пострадавшая сторона, то есть ты. Только учти, – добавила она, когда Славка уже решил, что все-таки Ленка умеет быть великодушной, – фантастику твою я смотреть не стану.

...При всей своей меланхоличности Таисия обожала жаловаться Светке и Наташке на жизнь и мужа, не гнушалась и легким поклепом. Очевидно, так обнаруживал себя скрытый темперамент.

Жалобы сводились к тому, что у Егора бизнес идет не очень хорошо, что деньги он выдает каждый день и строго на питание, что у нее все еще нет шубы, а пора бы – тридцать пять стукнуло. Да и брюлики могли бы быть поувесистей.

Скорее всего, это не были жалобы в привычном смысле – это было кокетство, способ выказать различие между нею и подругами: у меня есть муж, а у вас, дорогие Света

и Наташа, – нет. Пусть даже с проблемами в бизнесе, пусть даже с возможным леваком, пусть с носками и трусами, зато свой собственный мужик. Есть с кем выйти в люди и к морю съездить.

Подруги нытье Таисии понимали как-то превратно и кидались врассыпную, стоило Егору переступить порог дома и застать их в гостях. Неестественные улыбки и поспешные сборы приводили его в бешенство.

– Чего они от меня как от чумного шарахаются? – недоумевал он. – Или я как-то отличаюсь от остальных людей?

Таська помалкивала и смотрела на мужа, как чихуахуа Барончик, склоняя голову то влево, то вправо. Она привыкла и не замечала, насколько мрачное выражение лица бывает у Егора.

Низкие надбровные дуги и глубоко посаженные глаза, плотно сжатый рот и выражение скуки на физиономии, а также манера поворачиваться всем корпусом – тут и не такие стойкие предпочтут ретироваться.

– Егорушка, – уверяла мужа Таисия, – просто Светка с Наташкой очень деликатные. Понимают, что ты устаешь на работе, дома бываешь мало, приходишь, чтобы отдохнуть, –

вот они и торопятся уйти.

Как только Егор улетал на Сахалин, Таисия превращалась в освобожденную восточную женщину, сбрасывала паранджу и в срочном порядке обзванивала подруг.

– Девочки, вы не представляете, как я устала! – закаты-вая перед зеркалом глаза, вещала она в трубку. – Эти вечные ужины, стирки, глажки. Ужас!

Мягко говоря, заслуги жены и матери были сильно преувеличены, но воспринимались как сигнал общего сбора.

В борьбе с подругами у Егора был верный союзник – Яга.

В отсутствие внука она считала себя его правопреемницей и требовала от Таськи отчета.

– Ты куда собралась? – Чтобы лучше слышать, бабуля имела манеру оттопыривать ладонью ушную раковину.

Таська не была воспитанницей Института благородных девиц, но от этого жеста ее передергивало и хотелось сделать какую-нибудь пакость, хотя бы соврать, что она и практиковала.

– У Наташки (Светки или восьмилетнего Семена – по настроению) день рождения. Бабуля, вы меня не ждите, я у нее останусь ночевать, – с наслаждением орала в оттопыренное ухо Таисия и намыливалась из дома.

Набившись в Наташкин «жук», втроем подруливали к гипермаркету, основательно затаривались разными вкусностями в банках, замороженными полуфабрикатами, готовыми салатами, курами гриль, чтобы не готовить – зачем? – и вином. Зимой везли все к Светке, а летом – к Наташке на дачу.

Там сначала кормили восьмилетнего Сеню, потом укладывали парня спать и открывали дамский клуб.

Сидели на кухне до утра под вполне невинные нескончаемые разговоры о мужиках, тряпках, о родственниках, близких и дальних, одноклассниках (одноклассниках) и их мужьях (женах). Кто с кем развелся, кто с кем сошелся, где и кем работает, сколько заработал и на что потратил.

– Эти шалавы споят твою Таську, помяни мое слово, – каркала Яга вернувшемуся из поездки Егору, – опять от нее перегаром несло. – По закону компенсаторного замещения с потерей слуха у Яги обострилось обоняние.

Измотанный переговорами с клиентами, стычками с чиновниками и ментами, Егор не мог и не хотел тратить душевные силы на домашние разбирательства. Проще было ни во что не вникать.

Усталость давила на плечи, и он наливал себе наркомовские сто граммов и камнем падал в постель.

Вялые всполохи мыслей мелькали на кромке сознания: в конце концов, что плохого в том, что Таська развлечется? Ей тоже несладко – все одна и одна. Даже когда он в Москве, от него мало толку. Четыре месяца Настену не видел: уезжал, когда она еще спит, возвращался, когда она уже спит.

Ничего, у него еще будет время все исправить, думал Егор, проваливаясь в сон, как в обморок.

... Выяснилось, что телевизионщики не соврали.

На самом деле в Турции, на самом деле в горах с видом на море, в Демире, стоит храм Святителя Николая.

– Они называют его Санта-Клаус! Клаус – это, по-нашему, Николай! – возбужденно орал в трубку Славка. На заднем плане слышны были команды «вира» и «майна», визг меха-

низмов и скрежет металла – очевидно, звонил Морозан со склада, – у них там святой Николай был захоронен!

– Давай, Слав, в конторе поговорим, – стальным голосом перебил Егор – он с трудом вспомнил, о чем речь.

Напротив с остекленевшим взглядом сидел бухгалтер Алексей Цупров, и Славкины восторженные вопли о Санте в конце апреля могли ему показаться неуместными.

Честно признаться, при дневном свете, в конторе, лицом к лицу с Цупровым Славкины вопли Егору и самому показались неуместными. Более того, ночной разговор о способности святых делать человека сильнее и решительнее представлялся ему откровенной чушью.

Санта-Клаус у Егора ассоциировался с американским Рождеством, с перезвоном колокольчиков и мотивчиком «Джингл белз...» – или что-то в этом роде. К нему, Егору Бинчу, это имело ровно такое же отношение, какое он сам имел к американскому Рождеству, – никакого.

Так он и поверил, что Таська устроится работать по воле Санты! Или Ленка в одночасье сделается домашней, белой и пушистой и станет встречать Славку с тапками в зубах. Полный бред!

Примирило со Славкиным чудачеством одно: это все-таки будет Турция, а Санту как-то придется пережить, чтобы не оскорблять религиозные чувства партнера и друга.

Может, Славке Санта и поможет, раз он так в него верит, – в жизни всякое случается...

Сообразив, что отвлекся, Егор вслушался в бубнеж бухгалтера.

– Что это ты мне подсовываешь?

– Это заявление в банк, – оживился и порозовел Алексей, – чтобы нам установили систему «банк – клиент», тогда мы сможем оплаты проводить, никуда не выезжая. Это очень удобно и экономит время. Не будем стоять в пробках.

– Круто, – согласился Егор и поставил командирскую подпись.

Все у него теперь будет как у взрослых.

...«Работа мила, да день мал», – вспомнил бабулю Егор, сидя за рулем своего верного джипа «инфинити».

В двенадцатом часу ночи он вез Славку домой, и тот снова морочил ему голову своим Сантой.

– Значит, так. Гробница святого Николая находится в Демере, – излагал Морозан, и глаза у него горели, как индикаторы на приборной доске. – Туда лучше ехать из Кемера – всего сто километров. Можно купить отдых в Кемере и оттуда смотаться в Демере.

– Можно, – не очень вникая, буркнул Егор, следя за плотным потоком машин впереди и позади себя – был вечер пятницы. – А что собой представляет этот Кемер?

– Обычный курортный городишко, – пожал плечами Славка. – Ты не проболтался Тасе?

– О чем?

– О том, что мы собираемся навестить гробницу?

– Н-нет, – пробормотал Егор.

– И правильно. И не говори. А то у Ленки нюх как у гончей, начнет расспрашивать, моментом вычислит.

Егор потер лоб и с некоторым удивлением отметил,

что уже целую неделю Славка пребывает в трезвом уме и твердой памяти. К чему бы это?

– Да какая разница, блин? – рассеянно спросил Егор. Все эти тайны мадридского двора вязали его по рукам и ногам и доставляли неудобства.

Все, что не касается работы, Егор обсуждал с Тасю-сиком за ужином – так повелось у них в семье с незапамятных времен.

Поездка в Турцию работы не касалась, но из-за секретного плана, рожденного в воспаленном мозгу Морозана той странной ночью, Егор помалкивал, и это тоже было необъяснимо и раздражало.

– Как это – какая разница? – по-детски огорчился Славка. – Они вообще не должны знать, что мы собираемся к Чудотворцу. А то вдруг сами обратятся к нему с молитвой и попросят о чем-нибудь своем.

– Думаешь? – Егор взглянул на Славку с тревогой. Раньше он не замечал, что у партнера ярко выраженный сдвиг по фазе. Или не обращал внимания?

– Ты просто далек от этого, – продолжал православные

беседы Славик. – Чудотворец потому и Чудотворец, что все может. Только просить надо полезное что-то. Но мы ведь и собираемся просить полезное. Правильно?

– Наверное, ты прав – ничего я в этом не понимаю, – тактично ушел от ответа Егор.

Его все больше и больше беспокоило, что пьяный ночной треп так легко и непринужденно трансформировался у Славки в идефикс.

Ничего такого Егор не имел в виду. Ну, посидели по-мужски, ну, разоблачились друг перед другом. По здоровом помышлении, обо всем нужно было забыть там же, не вставая из-за стола, на кухне тире столовой.

Все еще можно обратить в шутку и забыть – так он думал. Или ему казалось, что он так думает?

Уловив неуверенность в голосе друга, Славик решил дожать его:

– Так мы договорились? – Это был запрещенный прием.

Кому, как не партнеру и другу, знать, что Егор скорее вскроет себе вены, чем откажется от данного слова.

Помолчав, Егор недовольно подтвердил:

– Договорились.

– Значит, я заказываю билеты на майские?

– Заказывай, – обреченно вздохнул Бинч.

Опять перед Таськой комедию ломать придется, уныло подумал он, высаживая Морозана под светящейся вывеской «24 часа».

Вчера вечером они обсудили варианты, решили отдохнуть в Фетхие, а сегодня оказывается, они едут в Кемер. Как это объяснять? Или ничего не объяснять?

– До завтра. – Открыв дверь, Славка энергично обернулся к Егору и протянул ладонь с потрескавшейся на пальцах кожей диабетика.

– Давай, – быстро ответил на рукопожатие Егор.

С длинным Ленкиным списком продуктов наперевес Славка вывалился из машины и прогарцевал в дежурный магазин, а Егор сдал назад и высунулся в правый ряд.

Ему тут же принялись злобно сигналить озверевшие водители, катившие мимо.

В одно мгновение ночь превратилась в хищника, поджидающего жертву.

От души выругавшись, Егор пропустил наглую «хонду» (не иначе девка за рулем) и вывернул руль.

Пристроил машину в поток, вздохнул свободней, расправил плечи и представил уютную, пухлую, такую родную Таську на их давно и безнадежно ждущей ремонта кухне. Волна нежности поднялась к сердцу. Все-таки с женой ему повезло.

...Девчонки в нетерпении закатывали глаза и крутили головами, пережидая нашествие Яги на кухню.

Бабуля уже дважды вторгалась, изображая крайнюю степень озабоченности, измеряла давление, принималась и цепким взглядом исследовала накрытый к чаю стол.

Подруги заскочили проводить Таську в Турцию и

засиделись за бутылочкой вина.

Бутылку демонстрировать не стали, чтобы не вводить в грех Ягу, разливали вино в чайные чашки, тару прятали под стол и прикрывали тремя парами ног.

Ушла Яга собиралась в поликлинику после жестокого приступа панкреатита. «Панкреатит – болезнь пресыщенных», – когда-то давно просветил Таисию Вячеслав Морозан.

Таисия была склонна верить ему: Яга любила поесть, и с каждым годом эта склонность проявлялась все сильнее.

Таисию это раздражало.

В восемьдесят лет, злилась она, пора подумать не о желудке, а о душе.

Яга шебаршилась, по причине глухоты гремела, как полтергейст, всем, что попадало под руку: кастрюлями, чашками, ложками, дверью – искала зубные протезы, которые обычно хранила в чашке на полке с посудой.

Протезы имели свойство теряться на просторах квартиры, однажды их даже умудрился стащить Барончик.

Дело обычно заканчивалось тем, что к поиску, ворча и по-змеиному шипя, подключались Таисия с Настенкой.

– Турки обожают русских женщин, – компетентно заявила Светка, когда Яга в очередной раз хлопнула дверью.

– Особенно блондинок, – поддакнула Наташка, – сведения из первых уст.

В отличие от подруг Наташка придерживалась теории, что ничто так не красит женщину, как перекись водорода.

– Девочки, – укоризненно протянула Таисия, – я приличная женщина, еду с мужем на отдых. Какие турки? Вы о чем?

– И что из того, что ты с мужем?

– Вы не знаете Егора. Он запросто может засветить в лоб любому, кто будет на меня пялиться.

– Тогда ему будет не до отдыха, – хихикнула Наташка.

– Что ты с собой берешь? – заинтересовалась деловая Светка.

– Как обычно, – тоном боцмана, вернувшегося из кругосветки, бросила Таисия, – сарафан, джинсы, шлепки, юбку.

– Ту самую, в стиле сафари?

– Ту самую.

– Там в это время года могут идти дожди, – подала ценную мысль Наташка.

– В агентстве сказали, что погода в это время года всегда отличная, по долгосрочному прогнозу дождей не ожидается.

– Вы летите со Славкой и с этой его, женщиной с веслом?

Плюгавые, как Таська, подружки недолюбливали Ленку за резкость и бескомпромиссность и при любом удобном случае с наслаждением перемывали ей кости и упражнялись в остроумии по поводу ее габаритов.

– Да, – кисло подтвердила Таська, – с ними.

– Как у них дела?

– Все как всегда. Ленка в Москву не хочет переезжать, а Славка на Сахалин не стремится.

– Правильно, что там делать?

– Рыбу добывать.

– А что, она еще есть – рыба?

– Разве не видно? – сострила Светка, кивая на стол, уставленный морскими деликатесами.

– По-моему, Бинчи подорвали ресурсы Охотского или какого там моря?

– Охотского и Японского.

Таисию не так легко было сбить с толку.

– И вообще, девочки, не понимаю, зачем ей Славка сдался? Он запойный, и у него сахарный диабет. Я бы за такого замуж ни за что в жизни не пошла.

– Ленке же уже тридцать пять. Ей что, детей не хочется?

– По-моему, ей вообще ничего не хочется, кроме денег. Ну что, разливаем по последней?

– Разливаем, – закивали Наташка со Светкой, подставляя

опорожненные чашки.

Таисия пошарила рукой под столом и поймала горлышко бутылки.

– Атас, девочки, – дернулась Светка и показала глазами за спину Таисии: в приоткрытую дверь за ними подсматривала Яга.

Видимо, от испуга Таисия показала бабуле бутылку и кивнула, приглашая к столу – чтобы не надрывать голосовые связки, Таська все чаще пользовалась знаками вместо слов.

Переваливаясь с боку на бок, бабуля подгребла к компании и с победным видом уселась на свободное место:

– Наливай.

– А поликлиника? – гаркнула Тася прямо в ухо Яге.

– Подождет поликлиника.

* * *

...На майские праздники вырваться не получилось.

Полная и окончательная капитуляция вредоносного инспектора на станции Павелецкая-Товарная ознаменовалась тем, что с Сахалина шел безостановочный поток грузов, что было особенно важно в преддверии праздников, поскольку даже самая последняя среднестатистическая семья покупала себе баночку икры к праздничному столу.

Начался сенокос, мужики крутились, дня не хватало.

Улетали 20 мая.

Настроение у Славки было возбужденно-приподнятое, и когда дамы перед посадкой отлучились по нужде, он с заговорщицким видом сообщил Егору, что их просто преследует удача:

– 22 мая День памяти Николая Угодника. Представляешь? Все складывается по воле Божьей.

Славкина ажитация действовала Егору на нервы. В том, что 22 мая – День памяти святого, Егор не видел промысла судьбы и восторженное настроение Морозана не разделял. В голове была одна работа.

– Слав, что сказал Серега об этом последнем клиенте? – Серега Усхопов был их тайным осведомителем. Бывший работник ОБЭП, он пользовался своими связями и пробивал потенциальных клиентов. Это когда-то Егор хватался за любого покупателя. Сейчас настали благословенные времена, когда он мог выбирать.

Главным критерием отбора был имущественный ценз.

– Из Ростова?

– Да.

– Сказал, что у мужика в собственности ничего нет. Имущество записано на жену. Я послал его технично.

– Угу, – буркнул Егор, – правильно сделал. А этого владельца оптовой базы пробивали?

– Да. С этим вроде все в порядке.

– Вроде или в порядке?

Уставший от допроса Морозан облизнул пересохшие губы.

– В порядке. Я отгрузил ему тонну икры, оплата через двадцать один день. Слушай, может, посидим в баре? – предложил он.

Рассеянно глядя на партнера, Егор прикидывал: через двадцать один день база сделает платеж – неплохо, неплохо.

В надежде отделаться от проблем бизнеса, он согласился пропустить по стаканчику, и они со Славиком побрели по терминалу в бар.

Отделанный в авангардном стиле, бар выглядел довольно экзотично, и некоторое время друзья косили глазами на раздражающую кумачовую обивку стен.

В запасе было минут сорок, Славик заказал бутылку сухого белого с сыром и маслинами – он угощал.

Избавиться от навязчивых мыслей о работе Егору удалось не сразу.

– Слав, тебе придется лететь на Сахалин в июле, – предупредил он, жуя ломтик сыра, – нашего человека перевели во Владик, и нужно искать ему замену.

– Я в курсе, – коротко ответил Славка и приложился к

бокалу с вином.

– Я предварительно перетер с Николаем Анохиным, нужно будет процент уточнить, сколько отстегивать.

– Это бригадир?

– Да. У него три невода, он их ставит на глубине, и, прикинь, за двадцать лет ни разу штормом сети не унесло. Удачливый, черт.

Славик ухмыльнулся и снова приложился к бокалу.

– Шеф, – он бросил в рот маслину, выплюнул в кулак косточку, – не парься раньше времени. Господь все управит.

Егор бросил на него взгляд из-под бровей – умел он так смотреть, что пробиало всех, кроме Славки.

– На Бога надейся...

Славку потянуло на душеспасительные беседы.

– Вот это самое распространенное заблуждение. Во-первых, ты же не Емеля на печи, правда? Ты пашешь как вол и все, что мог, уже сделал. А дальше, как говорил Соломон:

«Коня готовят на день битвы, но победа – от Господа». Коня ты приготовил, а дальше – все от Бога.

– Не умничай, – беззлобно попросил Егор, – лучше скажи мне, у тебя в Ванино есть свой чел в «Россельхознавозе»?

– Найдем, – обнадежил Славка, – ребята помогут из транспортной полиции.

– Помогут, – вяло согласился Егор. Нервы понемногу успокаивались.

Вино действовало как либеральная газета на Стиву Облонского – производило в голове легкий туман.

... Таську можно было смело отнести к редким женщинам, которые любят ходить по магазинам с мужем.

Процесс захватывал: Егор умел делать все вкусно, в том числе и покупки.

Вот почему, когда через два часа пребывания в Кемере выяснилось, что Таська забыла дома халат (как лежал на гладильной доске, так и остался), это привело ее в отличное

расположение духа.

Егор, конечно, заподозрил, что это такой способ заставить его раскошелиться, но сопротивляться Таськиным коварным замыслам за тридевять земель от дома ему было лень.

Спасибо, что купальники взяла, а то было бы как в Таиланде: Ленка со Славкой валялись на пляже, а ему пришлось таскаться по влажной жаре, искать нужный размер купальника для Таськи – он не находился. Таська оказалась нестандартной – маленькой и кругленькой во всех местах. То чашечки были чуть не вполовину меньше, чем нужно, то вырез не тот, то форма, – два дня убили из десяти.

Помимо купальника, по ходу дела были куплены вечернее платье из черного шелка, кольцо из черного жемчуга, в действительности отливающего синевой, и сувениры Светке, Наташке, Настене и бабуле – куда без нее? Так что Таська убитыми эти дни не считала.

И сейчас пребывала в предвкушении.

Каким бы прижимистым Егор ни был, ей всегда что-нибудь перепадало: коробка конфет, лишняя пара колготок или брелок – Егор подавал эти мелочи, как сувениры от Тиф-

фани.

– Пойдем, а? – ныла Таська. – Я же не могу одна искать себе халат.

Ответ Егора поразил Таисию в самое сердце:

– Сходите с Ленкой.

– Как? – перепугалась Тася. – А деньги?

– Деньги я тебе дам, – заявил муж, чем окончательно сразил супругу.

У Таськи даже подбородок задрожал.

– А что случилось, Егорушка?

– Ничего, – буркнул Егор. По натуре он не был вруном и всегда злился, если приходилось врать на пустом месте. – У нас со Славкой запланирован поход в турецкие бани. Быть в Турции и не посетить турецкие бани – это святотатство. Это то же самое, что быть в Москве и не сходить в Третьяковку. Или там не увидеть Красную площадь. – Он и сам чувствовал, что переборщил с параллелями.

– Ты еще Мавзолей сюда приплети, – с подозрением всматриваясь в разошедшегося мужа, посоветовала Таська. Дрожащего подбородка как не бывало.

– Что значит – приплети? – повысил голос Егор, но супруга заподозрила худшее и оскорбилась. С ней такое случилось, если вдруг Егор в компании оказывал знаки внимания какой-нибудь длинноногой барышне.

Таська тогда в срочном порядке напивалась и начинала напропалую кокетничать со всеми мужиками подряд – это была сладкая месть.

Турецкие курорты славятся вездесущими развратными русскими девками, которые вешаются на чужих мужей чуть не в присутствии жен. Нельзя терять бдительность ни на минуту.

«Позволь, – поинтересовался чей-то голос внутри, – а когда же эти шлюхи успели? Ведь вы с Ленкой практически вынесли мужчин из салона самолета, а потом практически разнесли их по номерам?»

Или девицы входят в обслуживание?

Срочно нужно обсудить проблему с Ленусиком, при-

няла решение Таисия и обиженным тоном маленькой девочки заканючила:

– Ну, Его-ор!

– Тася, все. Я уже обещал, – оборвал ее нытье Егор.

– Ну и ладно, – свернула программу выступления Таисия, – с Ленкой так с Ленкой. А может, ты дашь еще денег на спа-салон?

...Просьбе Ленка не удивилась – просьба была в духе Таисии. В чужом городе Таис без Егора чувствовала себя крайне неуверенно, и даже халат (кто бы сомневался!) купить не могла.

Поначалу жена Егора Ленку раздражала своей изнеженностью.

Ладно бы еще муж был богатым как Крез, так ведь нет же – обычный бизнесмен средней руки. Почему бы не устроиться на работу и не вносить свой вклад в домашний бюджет? Ленка этого не понимала.

Не понимала, как можно спать до обеда, потом три часа сидеть с книжкой в ванне, потом пройтись по магазинам и встать к плите.

Изо дня в день, изо дня в день. Одно и то же, одно и то же.

Никаких стремлений, никаких попыток что-то изменить, что-то контролировать, за что-то отвечать, кроме кастрюли борща.

Единственная дочь Настена росла сама по себе, как бурьян в поле, – в оставшееся от сна и ванн время Таисия была целиком и полностью сосредоточена на муже. Муж – божок, тотемное животное, объект поклонения.

Ленка была уверена, что она бы застрелилась от такой жизни на третий день. Или даже на второй.

Сделав выводы из своих наблюдений, Ленка относилась к Таисии со снисходительной жалостью.

В данный момент Таська, экипированная для выхода в город в куртку и джинсы, стояла в коридорчике номера люкс, снятом Славиком, и канючила:

– Ле-ен? Сходи со мной, а?

Канючить было совсем не обязательно: в их тандеме Ленка несла за Таську ответственность – как это случилось, Ленка и сама не поняла, но случилось.

Была у Таськи такая особенность: все окружающие сразу начинали ее опекать. Таська паразитировала, заставляла о себе заботиться, не прикладывая к этому никаких усилий. Ленка исключением не стала, хоть и злилась на себя за то, что попалась, как все остальные, на приманку – безусловную женственность в сочетании с амплуа обиженной маленькой девочки.

– Хорошо, ходим, – сразу сказала Ленка – она была прямым человеком. Женские выкрутасы плохо монтировались с ее размерами. В Харбине, куда она ездила за тряпками первое время, китайские мужчины относились к ней с трепетом и называли с придыханием «большая подлюга», что означало – большая подруга.

– Когда?

– Давай прямо сейчас, пока мужики парятся. Что там с погодой?

Как по команде, обе повернулись к окнам – за ними стоял бледный день, ветер рвал верхушки деревьев, атаковал, проверял на прочность уличные кафешки – море было «на замке», как говорят на флоте, и туристы вывалили в город.

По-военному быстро натянув джинсы и куртку, Ленка закрыла люкс, бросила ключ в сумку и спросила:

– Куда пойдём?

– А, не знаю, – в своем репертуаре отозвалась Таисия.

– Тогда вперед, – взяла на себя командование Ленка и устремилась к лестнице на первый этаж – люкс находился на последнем этаже частной трехэтажной гостиницы.

Путаясь у Ленки под коленками, Таисия потрусила рядом.

Далеко уйти путешественницам не удалось.

В холле первого этажа они попали в сети сидевшего в засаде паука – агента туристической фирмы.

По неуловимым признакам угадав в девушках рус-

ских, агент с обворожительной улыбкой, открывающей все коренные зубы, подошел и гортанным голосом спросил:

– Русские?

Таисия оскорбленно шарахнулась, а Ленка бросила свысока взгляд на приземистого агента:

– Ну?

– Я Карпо, бывший соотечественник. Армянин. Родился в России, учился в России, потом вот семья эмигрировала.

– Рада за тебя, – бухнула Ленка, – и что?

Карпо спохватился и принялся совать Ленке какие-то проспекты:

– Я агент турфирмы «Одиссей». Здесь есть христианская святыня – церковь Святителя Николая. У христиан он известен как Клаус. Санта-Клаус раздавал под Новый год детям подарки и спас двух сестер-бесприданниц от панели. Легенда гласит, что отец не мог выдать дочерей замуж и решил отправить в публичный дом. Так Санта через дымоход подбросил сестрам два мешочка с золотыми монетами.

– Да ты чё? – с изрядной долей скепсиса удивилась Ленка, а Таська хмыкнула.

– Сегодня как раз день его памяти, – продолжал заливать-ся соловьем агент Карпо, – будет служба. Служба бывает всего два раза в году, так что вам выпала редкая возможность поприсутствовать. Кроме того, это место, где исполняются желания. Можно писать записки, как у вас в Петербурге блаженной Ксении, можно устно просить. Вы не пожалеете. Все русские обязательно ездят к Санте, чтобы он исполнил их желания. У вас есть желания?

– А как же! – охотно откликнулась Ленка. – Мы вот, например, жрать ужасно хотим.

– По дороге в церковь есть отличный семейный ресторан, – не моргнув глазом подхватил агент, – он расположен над уровнем моря, вид с террасы открывается изумительный. Сначала к святому, потом в ресторан. Или наоборот – как хотите.

Ленка перевела смеющийся взгляд на Таську:

– Как тебе идея?

– Ленка, прекрати, – зашипела все это время хранившая

молчание Таська, – никуда я с ним не поеду.

– Вот моя визитка, – попытался пресечь панику в рядах Карпо, – вот мой идентификационный номер, вот лицензия. Меня не надо бояться. Я сам за рулем. У меня отличная машина. Вас ждет отличная поездка и отличный обед.

– Отличное море и отличный Санта, – задумчиво продолжила Ленка.

– Все так и есть, – подтвердил без тени улыбки Карпо.

– Сколько стоит все удовольствие?

– Мне халат нужен, – активизировалась Таисия.

– У тебя что, других желаний нет? – задетая за живое, поразилась Ленка.

– Еще я в спа-салон хотела.

Это было уже слишком.

В кои веки они остались в курортном городе одни, и только такая клуша, как Таська, может таскаться по магазинам и спа-салонам, вместо того чтобы упиваться свободой

на всю катушку.

– Все, решено, – твердо заявила Елена Федосеева, – мы едем загадывать желания к христианской святыне.

– Я не хочу, – затряслась Таська.

– Ты что, не христианка?

– Христианка.

– Тогда вперед!

– Надо хотя бы портье предупредить. – Таисия беспокойно огляделась.

– Конечно, конечно, – энергично закивал кудрявой башкой Карпо.

– А вдруг это мафия? – холодея от ужаса, простонала Таська. – Сейчас нас увезут и продадут в бордель.

– Эй, Карпо, – тут же решила проверить версию о борделе Ленка, – ты, случайно, не состоишь в местной мафии? Может, ты торговец живым товаром?

– Не-ет, – испугался и замахал руками Карпо, – это приличная гостиница, это приличный хозяин, это невозможно.

– Давай свои документы, – велела Ленка.

Пока Карпо рылся в карманах кожаной жилетки, Таська продолжала вибрировать:

– Я боюсь, Лен, я никуда с ним не поеду. Ты как хочешь, а я – нет.

Но Ленке точно шлея попала под хвост.

– Ты меня отпустишь с ним одну?

– Нет, – судорожно задергала головой Таисия, – я и тебя не пущу никуда.

– Да что ты трусишь? Карпо оставит документы дежурному, а я напишу записку Славке с Егором, и все. Они нас из-под земли достанут. Сечешь? – обратилась она к агенту. – Нас мужья будут искать.

Агент Карпо был со всем согласный.

– О'кей, о'кей, – интенсивно тряс он львиной гривой, –

конечно.

– Смотри у меня, – пригрозила Ленка, – знаешь, какой у меня удар? Одной левой вырублю.

Агент Карпо окинул Ленкину монументальную фигуру оценивающим взглядом, задержался на груди пятого размера и уважительно кивнул. Видно было по лицу – поверил.

Удовлетворенно хмыкнув, Ленка с агентским удостоверением Карпо проплыла к стойке портье, нацарапала записку, положила все в ящик с номером люкса и подхватила готовую брякнуться в обморок Таську под руку.

– Не трясись, – велела она, – я верну тебя Бинчу в целости и сохранности. Ты ж закисло у него на хозяйстве. Тряхни стариной, подруга!

Где-то, когда-то краем уха Таська слышала выражение «тряхнуть стариной», но его семантическое значение от нее ускользало.

Противиться чужой воле Таисия не привыкла, и она покорилась.

...Высочайшим Ленкиным соизволением загрузились в «отличную» машину агента – это оказался убитый фургон с обшарпанной обивкой и отломанными выступающими частями.

Та еще выдалась поездочка.

Крутые повороты с выскакивающим навстречу транспортом, дивные скалы с одной стороны, вид на море с другой – Ленка только хрюкала от удовольствия, а Таську мутило до самой церквушки.

Церквушка оказалась грудой белых камней под наветом – застенчивое заигрывание турецких властей с православными паломниками, намек на реставрационные работы.

В небе парили и перекликались резкими голосами какие-то ширококрылые птицы, далеко внизу штормило море, но Таську все еще мутило, и на красоты она не реагировала.

Чуть в стороне от развалин виднелись веселые разноцветные крыши, по виду европейские.

– Небось новые русские понастроили, – с ехидством предположила Ленка.

– Ничего подобного, – обиделся за святыню Карпо, – это древний город Демре, прежнее название – Мира. Вот здесь он и родился – Санта-Клаус.

В прохладной тишине базилики гулким шепотом переговаривались редкие посетители (верующие или просто туристы) – эхом разносились шаги по мозаичному полу.

Едва девушки приткнулись возле отгороженного захватанным стеклом мраморного ящика с отбитым фасадом, по виду – саркофага, началась служба.

Торжественное «Аминь», исполненное многоголосным мужским хором, заставило Таськино сердце дрогнуть.

Потрясенная, она вслушивалась в мощные, подхваченные сводами звуки – они множились, крепили, бились о стены, метались под куполом, сталкивались в перекрестье дневного света, льющегося из высоких окон.

Таська стояла как глухая, ни слова не понимала, ухватила только:

– ...От всяких мя бед свободы, да зову ти: радуйся, Николае, великий Чудотворче.

Голоса разбегались, сливались, возносились, и Таськина душа рвалась на части, воссоединялась и возносилась вместе с ними.

Неведомое ранее чувство – восторга и надежды – овладело Таисией.

Она не заметила, как пролетел час.

Не успела окончиться служба, Карпо кивнул на два темнеющих входа слева и справа от небольшого амфитеатра с трибуной.

– Это вход в тоннель, – принялся нашептывать змей-искуситель-агент, – если пройти по нему три раза справа налево, то есть против часовой стрелки, время как бы поворачивается вспять, и вы очищаетесь от грехов. А если в тоннеле загадать желание, оно обязательно сбудется.

– Веди, – решительно велела Ленка, когда публика потянулась за благословением к настоятелю.

Замирая перед неизвестностью, Таська дала себя

увлечь в арочный вход справа от алтаря.

Гуськом, по очереди, втиснулись в тоннель: Карпо, за ним Таська, и Ленка – замыкающей.

Темнота моментально поглотила всех троих, дохнуло пыльной затхлостью подземелья.

Кожа у Таськи стала гусиной.

– А змеи здесь есть? – экономно дыша, сдавленным голо-
сом пропищала она.

– Не встречал, – недовольно отозвался из темноты Кар-
по, – нужно сосредоточиться на грехах, потому что проща-
ются только те, о которых вспомнишь.

Наступая друг другу на пятки, спотыкаясь, метр за метром углубились в тоннель.

От страха Таська тряслась мелкой дрожью, на грехах сосредоточиться у нее не выходило – проход сужался, приходилось беречь голову.

Будь Таська замыкающей, она бы незамедлительно отстала и вернулась под благословенные своды церквушки,

но в спину сопела Ленка.

Непроглядная липкая темень дышала в лицо, пугала бесконечностью. Затаив дыхание, Таська вслушивалась до звона в голове, пальцы судорожно цеплялись за шероховатые стены.

Какие там у нее грехи?

На ум ничего не шло, кроме Яги, но Таська скорее считала грехом саму Ягу, чем свое к ней отношение.

Тоннель суживался, давил на голову.

– Лен, а Лен...

– Тс-с-с, – зашипела Ленка.

Близкая к обмороку, Таська вытянула руки, ускорила шаг и наткнулась на потную спину Карпо.

Крик застрял в горле.

В этот момент под ногой у Таськи что-то хрустнуло, паника окатила ее жаркой волной, внутри все оборвалось, и в голове произошло короткое замыкание.

«Господи, – от необъяснимого ужаса взмолилась она, признающая единого Бога – Отца и Сына и Святого Духа – мужа. – Господи! Я очень люблю Егора, но он стал совсем чужим со своим бизнесом! И с ним очень трудно. Все должно быть только так, как он сказал. Он гнет всех, как кузнец, ударами молота. Ладно я – я потерплю, мне не привыкать. Но Настена начинает огрызаться. Я так боюсь, что они станут ругаться! Господи! У меня нет ничего, кроме семьи. Сделай его помягче, уступчивее! Жалостливее. Помоги мне, Господи!»

Таисия не замечала, что ее всю трясет, а в груди стало горячо, будто она хлебнула водки, и слезы – соленые крупные слезы катятся по щекам.

В тот момент, когда Таське показалось, что ее замуровали, в нос ударил запах ладана и свечей, а впереди замаячил мужской силуэт на контражуре. Карпо!

Какое счастье, что все они целы и невредимы, какое это счастье – люди, свет, жизнь...

Выжатая как лимон, выпотрошенная переживаниями, обессиленная Таська выползла из тоннеля.

Несколько мгновений взгляд у нее был чумовой.

Осознав себя во времени и пространстве, она с удивлением посмотрела на Ленку – этот каменный цветок бормотал что-то, сложив на груди руки.

Подавленные пережитым, ошеломленные собственными ощущениями, руины блудные дочери покидали в полном молчании.

Взглянув на опрокинутые лица своих клиенток, даже агент Карпо притих и не совался с воспеванием красот окружающей природы.

На душе у Таси стало тихо и торжественно, как в усыпальнице.

Высоко в деревьях свирепствовал ветер, стоило паломникам покинуть ограду, он налетел на них, забил рот и ноздри, принялся дергать за одежду и волосы, швыряться песком, подгонять к фургону.

В полном молчании торопливо загрузились в машину.

Впечатление от базилики было стойким, не отпускало, пришлось некоторым образом его попросить – прикоснове-

ния к древности насытили душу, но не желудок, есть хотелось нестерпимо.

Когда впереди показался обещанный агентом Карпо ресторанчик, девушки приободрились и сошлись во мнении, что день удался.

К этому моменту ветер принес грозу, косой дождь полоскал фургон со всех сторон, вода просачивалась в салон через разболтанные стекла.

На асфальт выскакивали с визгом, с визгом же неслись в гостеприимно распахнутую дверь заведения.

Как и обещал агент Карпо – Ленка по-другому не называла их провожатого, – ресторанчик оказался премильным, с национальной музыкой, с танцами живота, с разнообразной кухней. К гостям выкатился хозяин заведения – воплощенный Ходжа Насреддин, с носом-сливой и бровями полумесяцем, под которыми поблескивали глазки простака-мудреца.

Проверив наличность, девчонки заговорщицки переглянулись.

Для начала заказали шампанское «Мадам Кли-

ко» (давняя тайная мечта выросшего на докторской колбасе совка) и горячие салаты.

– Видишь, как иногда полезно отрываться от мужика, – сбываются мечты. Так, глядишь, потихоньку все и сбудутся, – дразнила Ленка свою спутницу.

Игривый тон показался Таське оскорбительным – тоннель желаний все еще занимал ее мысли, да и бдительность она не теряла.

В тот самый момент, как Насреддин разлил пузырящийся напиток по фужерам, по лицу Таисии разлилась зелень.

– А вдруг они подмешали нам что-нибудь в шампанское, мы заснем, а нас на органы пустят. Или в бордель, – побелевшими губами выговорила она, схватив Ленку за руку.

– Предпочитаю бордель, – заартачилась Ленка.

– Нашла время острить. Прекрати, – замогильным голосом прохрипела Таська.

От «Мадам Клико» она наотрез отказалась.

– Почему леди не пьет? – выразил сожаление Насреддин.

Ленка тут же пустилась в объяснения:

– Леди боится пить – думает, что шампанское, – она поискала в глубинах памяти слово «отравлено», помогая себе рукой, – это... как его... плохое. Яд. Поизн. Андестенд?

Хозяин заведения пошел пятнами, потом мелкой рябью, потом вовсе сошел с лица:

– Почему леди так думает? Она больна?

– Немного не в себе, – легко сдала подругу Ленка, – у нее ксенофобия, она давно не покидала дом и ни с кем не общалась.

– О, – Насреддин выглядел крайне огорченным. – Я смогу убедить вашу подругу, если налью себе из вашей бутылки?

– А попробуйте, – поддержала эксперимент Ленка.

На глазах обалдевшей Таисии Насреддин плеснул себе в свежий фужер шампанского и с наслаждением осушил его.

– Теперь мадам поверит?

– Спасибо, вы мне очень помогли, – заверила его Ленка, – я просто не знала, что делать. Теперь все отлично. Правда, Тась?

От манипуляций Насреддина Таисия разволновалась еще больше:

– Ле-ен? Что он делает?

– А как еще убедить тебя, что шампусик не отравлен?

– И ты повелась? – изумилась Таисия. – Он сейчас зайдет в подсобку, хлебнет противоядие, а нас упакуют и сдадут на органы.

– Я предпочитаю бордель, – уперлась рогом в землю Елена, и Таська поняла, что «Мадам Клико» уже начало свое разрушительное действие.

* * *

...Благостный прогноз погоды, представленный на сайте (штиль, солнце, температура воздуха +34) оказался чи-

стым обманом.

На деле же прогноз был просто зловещим: штормовое предупреждение, шквалистый ветер порывами до 30 м/сек и семнадцать градусов тепла.

– Вот это по-нашему, – заявил взволнованный непонятно чем Славка.

Настроение у Морозана было прекрасным, в противовес Егору: во-первых, в новой роли паломника Егор чувствовал себя неуверенно, во-вторых, всегда подозревал партнера в склонности к авантюрам, а теперь убедился, что был прав. Об этом стоило задуматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.